

В двадцать шестом году правления Ваньли, всего через два месяца после весенних экзаменов, Фан Шу, получивший звание таньхуа, был назначен составителем в академии Ханьлинь и вскоре стал знаменит в столице.

Не из-за чего-то грандиозного, а из-за одного неловкого инцидента.

В гостевом доме «Гуйсянсю» он проиграл в состязании талантов Дун Цичану, лишившись годового жалованья.

История о том, как отшельник Иншань и отшельник Сянгуан полдня «соревновались в магии» из-за одного свитка, также стала предметом пересудов среди народа. Причиной стал свиток, который оба они одновременно приметили в гостевом доме «Гуйсянсю». Хозяин, не желая никого обидеть, заявил, что свиток достанется тому, чьё мастерство окажется выше. Фан Шу презирал Дун Цичана, считая, что, хотя тот и талантлив, но обладает скверным характером, и потому поставил на кон годовой оклад.

— Этот «Орхидеевый таньхуа» хоть и таньхуа, но в живописи... как он может сравниться с господином Дун Цичаном! Молодой телёнок не боится тигра! — Фан Шу получил в народе прозвище «Орхидеевый таньхуа», и люди говорили, что он «стоит как орхидея и нефритовое дерево, улыбается, как яркая луна, входит в сердце, пройдя через тысячи парусов, не утратив своей возвышенности».

На самом деле он знал, что не заслуживает этих слов.

— Можно лишь сказать, что у каждого свои сильные стороны. Статья «Орхидеевого таньхуа» заставила господина Дуна вытаращить глаза, и в них даже появились кровавые прожилки.

— В последнем туре, где нужно было рисовать, «Орхидеевый таньхуа» потерпел сокрушительное поражение! Непонятно, что он нарисовал, какая-то чёрная масса! Это вызвало смех у зрителей.

— Ха-ха-ха!

Да, он нарисовал пирог. Вернувшись домой, он рассказал об этом Эрляну, и тот лишь утешил его:

— Этот пирог нарисован хорошо! Похоже на... пирог, который ты бы сделал.

А Дун Цичан нарисовал часть картины «Хижина Ваньлуань», которая стала его шедевром.

Те несколько дней Фан Шу даже выходил из академии Ханьлинь, чуть ли не закутав голову. Этот распутный чжуаньюань не ограничился тайными насмешками перед коллегами, но и ежедневно присылал слуг с приглашениями на банкеты, чтобы вновь поднять тему и насмеяться перед своими друзьями-распутниками.

Фан Шу каждый раз вынужден был отправлять своего единственного слугу Эрляна с извинениями к посыльным:

— Наш господин занят... Обязательно придёт в другой раз и извинится!

Фан Шу действительно был занят. Он не лгал. После проигрыша Дун Цичану он начал с усердием заниматься живописью, изучая искусство туши, дни и ночи напролёт, забывая о еде и сне, рисуя в своём скромном дворике под огромным баньяном, который занимал большую часть двора.

В этом он был похож на Дун Цичана. Оба были упрямыми. Дун Цичан, обладая талантом, был высокомерен. Несколько лет назад на экзаменах он был уверен, что написал выдающуюся статью, которая принесёт ему звание чжуаньюаня, но получил лишь второе место. Он не смирился, когда чиновник из Сунцзяна Чжун Чжэньци сказал ему, что, хотя текст хорош, почерк ужасен... С тех пор он усердно практиковался, изучая «Стелу Пагоды многих сокровищ» Янь Чжэньцина, а затем работы Ли Юна и Ван Сичжи. Поэтому в тот день его каллиграфия лишь немного уступила Фан Шу, а живопись Фан Шу была полностью разгромлена. Это так обрадовало старика, что он подумал: «Что это за таньхуа, если он так плох?»

— Молодой господин... ты не будешь есть?

Фан Шу стоял под деревом, его фигура была высокой и прямой, как сосна. Воздух раннего лета был душным. Он был одет в зелёный халат, и при ближайшем рассмотрении можно было заметить заплатки на подоле.

Он поднял голову, снял кисть, которая, казалось, слегка касалась его тонких губ, на его белом лице были брызги чернил, тонкие брови были нахмурены. Он повернул голову и посмотрел на Эрляна. Тот знал, что Фан Шу, вероятно, не слышал его, так как в размышлениях он часто поворачивал голову.

— Молодой господин...? — голос Эрляна был чуть выше, чем у обычного мужчины.

— А... я слышал... ты же сказал, что в доме нет риса? Так что же есть?

Оказывается, он всё же знал... Но почему тогда потратил несколько лянов серебра на чернила и бумагу?

Фан Шу поднял только что выброшенное письмо от чжуаньюаня, вздохнул:

— Пойдём на банкет. Подкрепимся.

— Молодой господин...

— Наш господин Фан Фуянь! Какая смелость!!! Осмелился соревноваться в живописи с господином Дун Сюаньцзаем!

Чжуаньюань был младшим сыном министра чинов Ли Дая — Ли Чжэна, по прозвищу Жунлай.

Он любил веселье, предпочитал серебряных красавиц и наложниц, был слаб здоровьем, и, судя по всему, истощён. Его рост был средним, а две асимметричные растрёпанные брови заставляли Фан Шу хотеть сбрить их, сделав его безбровым монахом. Но он действительно обладал талантом, хотя и не настолько, чтобы затмить всех. Но... звание чжуаньюаня заставляло Фан Шу всё больше сомневаться... Официальные круги были полны тайн...

Ли Чжэн обнял Фан Шу за плечи, его глаза были мутными от опьянения. Фан Шу, чувствуя дискомфорт от его перегара, посмотрел в окно. Этот распутник действительно умел наслаждаться жизнью: арендовал лодку на озере, на носу которой красавицы играли «Осенние размышления у туалетного столика», мелодия была приятной, и он не обращал внимания на насмешки Ли Чжэна.

Ли Чжэн, видя, что он не злится, с неохотой убрал руку, а затем заметил заплатку на его одежде. Как будто нашёл сокровище, он поднял подол его одежды и сказал богатым купцам и распутникам:

— Посмотрите на нашего господина Фана! Как он экономит! Фуянь, если у тебя есть трудности в жизни, дай знать старшему брату! Хотя я не смогу помочь сильно, но три одежды и два куска ткани у меня найдутся!

За этим последовал взрыв смеха. Эрлян, стоящий за Фан Шу, побледнел, глядя на своего господина.

— Жунлай, ты смеёшься, но это нормально после того, как я проиграл годовой оклад господину Дуну. Если ты хочешь помочь, я действительно буду благодарен и обязательно верну всё в срок.

Ли Чжэн слегка удивился. Неужели этот парень совсем потерял способность злиться?

— Ах, конечно, конечно!

После этого он действительно прислал слуг с тканью.

Эрлян не выдержал:

— Это, наверное, ткань, которая им в Ли доме не нужна! Они действительно считают нас нищими!

Фан Шу взглянул:

— Лучше что-то, чем ничего! Мы переживали и более тяжёлые времена, так что это не так уж и плохо.

Эрлян смотрел на улыбающееся лицо Фан Шу, которое столько раз давало ему силы.

К счастью, в академии Ханьлинь была еда, а вот с пропитанием Эрляна приходилось справляться, работая подёнщиком.

Фан Шу мог злиться, когда слышал, что Дун Цичан снова взял себе наложницу. Этот старый развратник использовал его жалованье, чтобы насильно взять в жены шестнадцатилетнюю девушку, что было вредно и для него, и для неё!

Он сдерживался весь день, а вернувшись домой, рассказал об этом Эрляну, чувствуя, как будто внутри него готов взорваться снаряд.

Эрлян только что помог хозяину Лю с Западной улицы перетаскивать мешки с рисом, его тело было полностью мокрым от пота. Вытирая пот, он сказал Фан Шу, который ещё не снял официальную одежду:

— Молодой господин... даже без ваших денег Дун Цичан всё равно взял бы наложницу... Лучше так, чем если бы он взял её силой! Это не ваша вина!

Фан Шу тоже почувствовал дискомфорт, снял серебряный пояс, снял туфли с облачным узором, снял двухбалочный головной убор, его чёрные волосы рассыпались, подчёркивая правильные черты лица. «Орхидеевый таньхуа» действительно был прекрасен.

Фан Шу аккуратно сложил официальную одежду — это был его единственный целый наряд. У Ли Чжэна дом был полон богатств, а у него, только что вступившего на должность, месячное жалованье составляло всего семьдесят даней, и часть его забрал Дун Цичан!

— Не стоило поддаваться эмоциям, но я просто не могу терпеть его! Жалко ту несчастную девушку.

Фан Шу снова отправился во двор рисовать.

Эрлян подошёл ближе:

— Молодой господин... в живописи у вас действительно нет таланта... Это же не утка и не курица!

— Я рисую журавля!

Не прошло и полмесяца, как в столице произошло серьёзное событие. Министр наказаний Люй Кунь, руководивший составлением «Иллюстрированного руководства по женской

добродетели», попал в беду. Эта книга, рассказывающая о биографиях императриц и наложниц древности и современности, должна была вдохновлять женщин, но в ней оказалась биография любимой наложницы императора Шэнь-цзуна, драгоценной наложницы Ли. Люй Кунь был обвинён в лести. Фан Шу также участвовал в редактировании этой книги. Он думал, что император, зная характер своей наложницы, проигнорирует обвинения против Люй Куня. Однако неизвестно откуда появилось послесловие «Рассуждения о тревогах и опасностях», которое распространилось в столице. Это было серьёзно. Инспектор министерства чинов подал доклад, обвиняя Люй Куня и его соратников в поддержке сына драгоценной наложницы Чжэн в борьбе за трон. Это вызвало бурю среди чиновников, которые стали занимать позиции, чтобы доказать свою невиновность. В борьбе за трон чиновники твёрдо поддерживали старшего сына Чжу Чанло. Если бы кто-то стал сторонником Чжу Чансюня, сына драгоценной наложницы Чжэн, то его бы затоптали сотни чиновников, и это стало бы концом его карьеры.

На этот раз император не высказался. Фан Шу, будучи новичком, вместе с другими учёными, участвовавшими в редактировании, чувствовал себя так, будто его жарили на сковороде.

— Господин Фан, я слышал... что на этот раз император даже отправил стражу в парчовых одеждах. Если того, кто писал книгу, поймают...

Ли Чжэн сделал жест, будто перерезает горло, с ужасным выражением лица:

— Вероятно, казнят весь род!

<http://bllate.org/book/15514/1377951>